

никъ Китая—Великую китайскую стѣну, гигантскою змѣею извивавшуюся по гребнямъ горъ. Здѣсь мы вступили въ область порядочно изученную русскими путешественниками, а потому при дальнѣйшемъ изложеніи очерка путешествія до Восточнаго Цайдама, я буду болѣе кратокъ.

Переваливъ крайнюю на сѣверѣ ограду Нань-шаня, и спустившись въ долину рѣчки Чагрынь-голь, мы ненадолго остановились въ одномъ ближайшемъ ущельѣ съ цѣлью устроить временный складъ части багажа экспедиціи и дать отдыхъ на хорошемъ пастбищѣ наиболѣе усталымъ верблюдамъ. Съ остальнымъ же, главнымъ и всегда необходимымъ имуществомъ, на лучшихъ верблюдахъ, я направился въ Чортэнтанъ, который теперь былъ отдѣленъ отъ насъ только стѣною Сѣверо-Тэтунгскаго хребта. Нашъ путь внизъ по Чагрынь-голу шелъ до впаденія въ него справа Ярлынъ-гол'а. Живописнымъ, частью лѣснымъ, частью альпійско-луговымъ, ущельемъ этого послѣдняго, мы, безъ особеннаго труда, поднялись на перевалъ У-да-линъ, (11.350 футовъ надъ морскимъ уровнемъ) и у его южнаго подножья имѣли пріятную стоянку.

Вездѣ на нашемъ пути двигались люди: китайцы, дунгане, тангуты; но теперь насъ занимала главнымъ образомъ грандіозная природа Нань-шаня: передъ нами вставали могучіе хребты и глубочайшія ущелья, наполненные шумомъ, пѣнящихся водъ; въ сосѣднихъ лѣсахъ и кустарникахъ не смолкали голоса массы разнообразныхъ птицъ. Богатая горная жизнь пробуждала въ насъ стремленіе къ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ.

Не успѣли мы развьючить караванъ у подножья У-да-лина, какъ на вершинѣ сосѣднихъ сѣверо-западныхъ горъ увидѣли стадо оленей, которое съ любопытствомъ смотрѣло на нашъ лагерь. Несмотря на усталость послѣ горнаго перехода, неутомимый Телешовъ и лучшій изъ новичковъ—охотникъ и стрѣлокъ Шадриковъ, проглотивъ лишь по чашкѣ чаю, заторопились впередъ къ заманчивымъ звѣрямъ, такъ какъ солнце клонилось къ горизонту. Маралы, постоявъ на гребнѣ горъ еще нѣсколько минутъ, скрылись. Охотники догнали звѣрей на сѣверномъ, обильномъ снѣгомъ склонѣ и открыли совмѣстную стрѣльбу уже въ сумерки. Вскорѣ одинъ красавецъ-мараль отсталъ отъ общаго стада и палъ обогранный кровью. Обрадованные успѣхомъ охотники не скупились и на послѣдующіе выстрѣлы, посылая ихъ вслѣдъ медленно уходящимъ оленямъ. Между тѣмъ сумерки сгустились и окрестность озарилась луннымъ свѣтомъ, давшимъ возможность охотникамъ снять шкуру съ добытаго марала.